

Культура. — 1995. — 8 апр. — С. 11

ПАЛИТРА

Леопольд Фальковский:

“В поисках самого себя”

Работы Леопольда Фальковского-Цукшинского, художника польского происхождения, хорошо известны и в Швеции, где он живет, и на родине, в Польше. Его картины можно найти и во многих частных собраниях, в том числе в коллекциях шведского короля Карла XVI Густава, князя Монако Ренье.

В “послужном списке” художника — стенные росписи в польских костелах и шведских больницах, витражи.

На выставке, организованной Польским культурным центром при содействии посольства Республики Польша в Москве, господин Фальковский-Цукшинский представил цикл акварелей, посвященных памяти Александ-

ра Алексина и Казимира Малевича.

Это своеобразные шахматные пейзажи, где фоном игровой доски служат небо или море, оживленные присутствием космических существ, животных и динамикой разыгрывающихся партий. При относительной скупости деталей полотна отнюдь не производят впечатления однообразия, одномерности: пространства на них органично перетекают одно в другое. Виртуозное владение цветовой техникой увлекает неожиданностью решений, игрой света. Свет — главное “действующее лицо” на его полотнах.

Мы попросили художника рассказать о себе.

— Господин Леопольд, когда и как вы с живописью нашли друг друга?

— Совсем маленьким ребенком, года в два-три, я все время рисовал. Просто не помню себя без карандаша в руке. Еще не начав профессионального обучения, сделал достаточно много монументальных работ: это были стенные росписи и витражи для нескольких костелов. Мне было тогда 14 лет. В костелах я работал вместе с одним немалым уже профессиональным художником. Многие костелы в Польше расписаны его руками. Именно он дал мне очень важные основы ремесла.

— У древних греков существовало понятие “тиноэстетизм”: понимание через сердце. Они считали, что произведение искусства должно воспринимать только так.

— Конечно, все попытки логически объяснить его безнадежны. Замыкание себя в каких-нибудь “измах” и терминах подобно связыванию рук. Особенно сейчас, в современной живописи, когда мы прошли через столько разных школ и направлений, мне кажется, все должно смешиваться, как гоголь-моголь. Нужно пользоваться теми приемами, которые, как подсказывает художнику интуиция, необходимы ему для самовыражения.

— Кто ваши любимые художники?

— С возрастом вкусы меняются. Но самым великим из всех когда-либо существовавших мастеров для меня остается Пикассо. Он — один из немногих, кто с течением времени не очерствел, не пытался постоянно делать одно и то же. Всю свою жизнь он был абсолютно непосредственным, словно ребенок, и его творчество всегда несло отпечаток свежести.

— Ваши картины отличается обилие света.

— Свет — это душа картины. Способность передать его на полотне была для меня всегда самой важной задачей. Я “искал свет” с детства. Наверное, это влияние Рембрандта. В его картинах всегда ощутимо присутствует свет, но достигал он этого, так сказать, не количеством, а качеством. Ведь многие его картины имеют темный фон. Именно свет решает, будет ли картина жить или нет.

Когда я начинаю новую работу, я всегда знаю заранее, какой именно свет хочу в ней показать, и в зависимости от этого выбираю выразительные средства.

— Сейчас много говорят о взаимопроникновении, связи музыки и цвета. Какое место в вашей жизни занимает музыка?

— Я в музыке просто живу. Не знаю, где кончается она и начинаются картины. Бесконечно люблю Стравинского, особенно его “Весну Священную”. Очень люблю Моцарта, Бетховена, Шопена.

Живопись и музыка очень близки друг другу, тесно взаи-

мосвязанны — они подчиняются единому закону гармонии. На выставках часто бывает мучительное чувство, что во многих картинах присутствуют “фальшивые ноты” — их авторы не чувствуют цвета. Но большинство людей этого не замечают.

Музыка всегда присутствует в нашей жизни — хотя она не обязательно похожа на классическую. Это мелодии людей, которые к чему-то стремятся, любят друг друга... Мы сами все время создаем свою музыку — в зависимости от настроения она может быть сентиментальной или динамичной.

— Несколько академий художеств Польши приглашали вас на должность профессора, в Швеции вы проводите курсы, читаете лекции. Что вы советуете своим ученикам?

— Постоянных учеников у меня нет — не хватает времени. Многие рекомендации касаются важных технических моментов, и все же самое главное — это образ мышления. Научить любого человека рисовать можно за месяц. Но это не означает, что он сможет стать художником. Художник в силу своей профессии — экзистенциалист, ведь картины — это его естество. Это абсолютная открытость. Знакомый врач-психиатр говорил мне, что по статистике среди художников самое меньшее число душевнобольных — их эмоции находят свой выход на полотне. При этом необходимо, чтобы в самом произведении чувствовалась гармония, светлая душа — тогда оно способно в трудную минуту помочь человеку вновь обрести равновесие, победить хаос. Так же, как в музыке, поэзии.

На своих уроках я и сам учусь — ведь при этом свое внутреннее убеждение приходится “одевать” в слова, подавать в логической форме.

— Бывает ли у вас чувство, что вы достигли вершины?

— Никогда! Высшего предела достичь нельзя. Невозможно было бы жить с сознанием, что сейчас достигнешь вершины, а за ней — все, пустота! Я всегда недоволен собой. Конечно, когда я заканчиваю картину, она мне нравится, но уже месяца через два думаю: сейчас я сделал бы ее совсем по-другому.

— Чем отличается шведская аудитория в восприятии живописи?

— Своей открытостью. В этом отношении шведы вообще народ исключительный, любящий учиться. На выставках зрители всегда подходят и просят рассказать о картинах.

— Что же вы отвечаете, если картины нельзя понимать, а можно только чувствовать?

— Так и говорю! Но они никогда не боятся показать, что чего-то не знают. В этом отличие шведов. В других странах я замечал, что у людей не хватает мужества ощутить себя в положении ученика, задавать вопросы. Только дети постоянно о чем-то допытываются и потому каждый день чему-нибудь учатся. “Почему” — это мое любимое слово. Человек, перестающий задавать этот вопрос, стареет и умирает.

— Какое самое важное качество художника?

— Умение слушать самого себя, свое сердце, верить своей интуиции.

— Что, кроме живописи и музыки, украшает вашу жизнь?

— Все! Я очень люблю жизнь. И очень люблю людей. Жизнь украшает постоянный поиск, как в “Энеиде” Вергилия, — поиск самого себя.

Беседу вел
М.ВЛАДИМИРЦЕВА.

● В мастерской, построенной по проекту художника.

